

Александр Гарцев

Петька,
не помнящий
зла

18+

Александр Гарцев

Петька, не помнящий зла

<https://litres.ru/74317073>

SelfPub; 2026

Аннотация

Военная драма, а, по сути, триллер о дружбе, Александра Гарцева "Петька, не помнящий зла" - это история о том, как прощение становится оружием, а слабость оборачивается силой.

О том, что настоящие мужчины не те, кто умеет бить, а те, кто умеет прощать.

О дружбе, рождённой в огне и холоде.

О реке, которая обтекает камни и становится глубже.

Для всех, кто верит: свет внутри сильнее любой тьмы.

Это повесть о выборе, о боли, о прощении.

И о том, что даже в самой жестокой армии может родиться самая настоящая любовь — к человеку, к жизни, к себе.

Содержание

От автора	4
Глава 1. Эшелон-пятьсот	9
Глава 2. Кирзач и шконка	15
Глава 3. Устав во весь рост	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Александр Гарцев

Петька, не помнящий зла

От автора

Человек рождается не в мире, а в себе.

Первый дом человека — его душа: тёплая, влажная, ещё не знающая границ. Здесь нет холода, нет врагов, нет чужих глаз. Здесь — только материнское дыхание и тишина. А потом — рождение.

И мир врывается внутрь, ломает стены, заливают светом и тьмой одновременно.

И начинается главный конфликт, который не разрешится до последнего вздоха: несовпадение внутреннего мира человека с миром внешним.

Человек — это остров, который не хочет быть островом. Французские мыслители Ренессанса — Монтень, Боден, Шаррон — говорили о человеке как о существе, которое носит в себе целую вселенную. Монтень писал: «Каждый человек носит в себе форму всей человеческой судьбы».

Но эта форма — не отливка. Она — живая, дышащая, мятущаяся. Внутренний мир человека — это не копия внешнего. Это его зеркальное отражение, но с поправкой на свет. Или на тьму.

Сто лет спустя Паскаль скажет: «Все несчастья человека происходят оттого, что он не умеет сидеть в своей комнате».

Но умеет ли? Душа человека — это не комната. Это — распахнутая дверь, через которую входит весь мир, но не весь мир в ней помещается. И начинается борьба: как сохранить себя, когда вокруг — требования, уставы, ожидания, чужие сценарии?

С волками жить — по-волчьи выть?

Русская классика знает ответы. Достоевский, Толстой, Чехов — они писали о том же, о чём пишем мы в своей повести. О человеке, который оказывается в среде, где его внутренний закон не совпадает с внешним.

Раскольников пытается перешагнуть через свою душу и ломается. Анна Каренина пытается жить по законам любви — и мир её расплющивает. А Пьер Безухов ищет смысл, ходит в масонские ложи, бросается в войну, но находит ответ только в себе, в той самой тишине, которая не зависит от внешнего шума.

Но есть и другой путь. Путь подчинения. «С волками жить — по-волчьи выть» — эта мудрость древняя, как само человечество. Она о выживании. О том, чтобы сохранить шкуру, когда вокруг стая. Но цена такого выживания — смерть души. Не сразу. Постепенно. Каждый раз, когда ты делаешь не то, что хочешь, а то, что требует стая, ты отдаёшь ей частицу себя. И в какой-то момент просыпаешься волком. И не помнишь, кем был.

Иной путь: Петька и философия непротivления

В нашей повести мы предложили иной путь. Петька не подчинился злу. Он не стал волком. Он не стал и мучеником — он не искал страданий. Он просто нашёл способ оставаться собой, не разрушаясь.

Его оружие — не агрессия, а присутствие. Он — река, а Серега — камень. Река не воюет с камнем. Она огибает его. Она не сопротивляется — она течёт. И камень остаётся, но река становится глубже.

В этом — глубокая философская традиция. Лев Толстой называл это непротivлением злу насилием. Но непротivление — не слабость. Это сверхсила. Это способность не быть вовлечённым в игру, где правила написаны злом.

Современный философ Эммануэль Левинас говорил о лице Другого — о том, что настоящая этика рождается не из силы, а из ответственности перед другим человеком. Петька несёт Серегу на плащ-палатке не потому, что Серега хороший. А потому что Петька — хороший. Потому что он не может иначе. Потому что его внутренний мир устроен так, что бросить другого — значит предать себя.

Одиночество души и её сила

Блез Паскаль писал: «Великость человека в том, что он сознаёт своё ничтожество». И это ключ. Петька не считает себя великим. Он — просто Петька. Но в этом «просто» — всё. Он не борется с миром. Он не пытается переделать Серегу или систему. Он просто остаётся собой в любой ситу-

ации. Он не меняет мир — он меняет пространство вокруг себя.

Его внутренний мир не совпадает с внешним — и это не трагедия. Это — источник силы. Потому что если ты не совпадаешь с миром, значит, у тебя есть что ему предложить. Свой свет. Свою правду.

И эта правда заразительна. Серега меняется не потому, что Петька его перевоспитывает. Он меняется потому, что рядом с Петькой невозможно оставаться прежним. Это как свет — он не уговаривает тьму исчезнуть. Он просто светит. И тьма отступает сама.

Что делать душе, если мир против неё?

Ответ, который даёт нам наша повесть, прост и сложен одновременно: не быть против мира. Быть — внутри мира, но не принадлежать ему целиком.

Как говорил древний философ Эпиктет: «Не требуй, чтобы события происходили так, как ты хочешь, но желай, чтобы они происходили так, как они происходят, — и ты будешь счастлив». Это не фатализм. Это — мудрость. Принять мир таким, какой он есть, но не стать им.

Николай Бердяев, русский философ, писал о свободе как о главном даре человека. Но свобода — не делать всё, что хочется. Свобода — оставаться собой даже тогда, когда мир против тебя. Это — мужество. Это — выбор.

Петька выбирает быть собой. Он не подчиняется злу, но и не воюет с ним. Он просто течёт. И в этом течении — его

победа.

Финальный аккорд: река и камень

Мы закончили нашу повесть словами: «Река течёт. И она доходит до моря». Это не только финал истории. Это метафора человеческой судьбы.

Мир будет бросать в тебя камни. Он будет холодным, жестоким, несправедливым. Но ты — река. Ты можешь огибать камни. Ты можешь становиться глубже. Ты можешь нести в себе свет даже сквозь тьму.

Душа человека, которая не совпадает с миром, не обречена. Она призвана. Призвана освещать, питать, течь. И если река дойдёт до моря — значит, она выполнила своё предназначение.

Не бойтесь несовпадения. Бойтесь совпадения с тем, что ниже вас.

И помните: зло — как дым. Если вы не смотрите на него — оно рассеивается.

«Петька, не помнящий зла» — это история о том, как один человек остался собой, когда мир пытался его сломать. И этим он спас не только другого. Он спас себя. И подарил нам надежду, что каждый из нас — тоже река. И мы тоже можем течь. И мы тоже можем идти.

Глава 1. Эшелон-пятьсот

Вагон пах деревом, махоркой и той особенной, тревожной сладостью, которая бывает только в дороге, когда едешь в неизвестность. Петька сидел на верхней наре, поджав колени к подбородку, и смотрел в мутное стекло окна. За ним плыла ночная степь — чёрная, как провал, и только изредка её прорезали жёлтые глаза полустанков: «Камышин», «Саратов-Пассажирский», «Урбах».

Внизу, на средних нарах, оралы салаги. Их было человек тридцать — таких же, как он, стриженных под ноль, с одинаковыми вещмешками и одинаковым испугом в глазах. Они рассказывали анекдоты про прапорщиков, травили байки про дедов, которых никогда не видели, и курили «Приму» в тамбуре. Петька не курил. Он просто слушал, как грохочут колёса.

— Эй, интеллигент! — крикнул кто-то снизу. — Ты чё, в облаках витаешь? Или бабушку вспоминаешь?

Петька вздрогнул. Он и вправду вспоминал бабушку.

...Последний раз он видел её три года назад, когда она лежала в больнице в Мытищах, худая, как тростинка, но с глазами, которые по-прежнему светились изнутри. Она погладила его по голове своей сухой, тёплой ладонью и сказала:

— Петя, ты только помни: зло — оно как дым. Ты на него

рукой машешь — оно рассеивается, а коли бежишь за ним — оно тебя окутывает. Не беги, Петя. Стой.

Он не понял тогда. Ему было шестнадцать. Он хотел быстрее стать взрослым, уйти в армию, как отец, носить форму. А бабушка зачем-то водила его в общину к духовборцам, где они сидели в белых платках на лавках, и дед Михей читал псалмы. Петька стеснялся этого. Он думал, что это слабость.

Но сейчас, в этом грохочущем вагоне, когда холод пробирал до костей, а впереди была неизвестность, он с удивительной ясностью увидел её лицо. Она смотрела на него с иконы, которую он сунул в вещмешок вопреки уставу — тоненькую, картонную, с выцветшим ликом Николая Угодника.

— Бабуль, я не подведу, — прошептал он одними губами.

Состав резко тряхнуло. Петька чуть не слетел с нар. Внизу заржали.

— Салабон! Держись за поручни! — крикнул долговязый парень в очках, сидевший напротив. Он улыбнулся Петьке, и в этой улыбке не было злобы. — Ты, я смотрю, философ. Наверх залез. Думаешь, там спокойней?

— Думаю, там меньше трясёт, — ответил Петька.

— Зря. Там ветер. — Парень протянул руку. — Витька я. Дорохов. Из Свердловска. Учился в политехе, на конструктора. А ты?

— Пётр, — сказал Петька и пожал руку. Ладонь у Витьки была сухая, длинные пальцы, как у музыканта. — Из Мытищ.

— Пётр, значит. Ну, Пётр, ты как устав знаешь? — Витька скосил глаза на дверь тамбура, откуда доносился храп. — У нас тут один дембель едет. Серега Кравцов. Он сейчас в тамбуре дрыхнет, но проснётся — будет весело. Он любит новичков проверять.

— На прочность? — спросил Петька.

— Да нет, на сопливость, — усмехнулся Витька. — Он в роте уже два года. Замполит говорит — боевая единица. А я говорю — просто злой человек. Ты от него подальше.

Петька кивнул. Но где-то внутри — там, где жила бабушкина тишина — он почувствовал, что от Сереги он не уйдёт. Он просто знал это. Как знал, что утро будет морозным, а степь — бесконечной.

Сон сморил его внезапно. Он закрыл глаза на минуту — и провалился.

Ему приснилась бабушкина кухня в Мытищах. За окном — снег, а на плите — чугунок с супом. Бабушка сидела на табурете, белый платок до бровей, руки сложены на коленях. Она смотрела на него с той же любовью, что и всегда.

— Петя, — сказала она голосом, похожим на шум дождя. — Ты не бойся. Там, куда ты едешь, нет чужих. Все — твои. Даже если они злые, это просто они не знают, что они — твои. Понял?

— Понял, бабуль, — ответил он во сне.

— И запомни, — она наклонилась к нему, и он ощутил запах пирожков с капустой. — Тебя зовут Петька, не помня-

щий зла. Это не прозвище. Это — сила. Никогда её не теряй.

Он хотел спросить, что это значит, но тут поезд затормозил с таким визгом, что он проснулся.

В проходе вагона стоял дембель.

Высокий, жилистый, в расстёгнутой шинели, из-под которой торчала, голубея, тельняшка., Под левой бровью — белый шрам. Чёрные кудри лезли из-под шапки-ушанки, сдвинутой на затылок. Он жевал спичку и смотрел на Петьку с ленивым, но колючим интересом.

— Это что за одуванчик у нас на верхотуре? — спросил он, ни к кому не обращаясь. Голос низкий, с хрипотцой.

Вагон затих. Даже салаги перестали дышать.

Витька Дорохов кашлянул, но промолчал.

Петька посмотрел на дембеля в ответ. Он не отвёл взгляда. Он просто смотрел — как смотрел когда-то на того пса, которого соседи хотели усыпить, а бабушка сказала: «Не тронь, он сам уйдёт, когда устанет злиться».

— Я — рядовой Голубев, — сказал Петька. Голос был ровный, без дрожи. — Прибыл для прохождения службы.

Дембель хмыкнул. Вынул спичку изо рта, переломил её пополам и бросил на пол.

— Голубев, значит. — Он шагнул ближе, и в свете тусклой лампы Петька увидел его глаза — тёмные, уставшие, но с искоркой какой-то боли. — Ну, здравствуй, Голубев. Я — Сергей. Твой старший товарищ.

Он усмехнулся, и в этой усмешке не было ничего доброго.

Но Петька вдруг увидел не злобу. Он увидел то, что бабушка называла «закрытой дверью» — у Сереги за спиной словно стояла распахнутая чёрная дверь, откуда дуло холодом.

— Слушай сюда, одуванчик, — сказал Серега, наклонившись к самому уху Петьки. — Мы приедем в часть. Там всё просто: кто работает — тот жрёт. Кто не работает — тот мёрзнет в наряде. У меня до дембеля — месяц. И я хочу, чтобы этот месяц прошёл спокойно. Для этого ты будешь делать то, что я скажу. Вопросы?

Петька помолчал. Потом сказал:

— Нет, товарищ Кравцов.

— Зови меня Серёгой, — процедил тот. — Или дембелем.

— Хорошо, Серёга, — ответил Петька.

И тут свершилось то, что заставило Витьку Дорохова открыть рот. А всё потому, что дембель — впервые за долгие годы — встретил взгляд, который не просил пощады. Взгляд, в котором была пустота, но не пустота холода, а пустота, готовая заполниться чем угодно — даже злом, чтобы его растворить.

Серега качнулся, будто его ударили. Он хотел сказать что-то колкое, но вместо этого просто выплюнул:

— Урод.

И ушёл в тамбур, хлопнув дверью.

Вагон выдохнул.

Витька Дорохов повернулся к Петьке:

— Ты чё, совсем бессмертный? Он же тебя в говно зако-

пает!

— Не закопает, — сказал Петька и глянул в окно. — У него, Витя, внутри болит. Он просто не знает, как сказать.

И тут погасла лампа. Состав снова тронулся — в ночь, в степь, в неизвестность.

За окном уже мелькали огни. Это была Элиста.

Петька закрыл глаза и прошептал:

— Ну, здравствуй, армия.

А перед глазами всё стояла бабушка — белый платок, тёплые руки — и её последняя фраза, которую она сказала ему у вокзала, когда поезд уже тронулся:

— Петя, я всегда с тобой. Даже когда меня нет.

Глава 2. Кирзач и шконка

Элиста встретила их не огнями, а тишиной. Вокзал — низкий, из жёлтого кирпича, с облупившейся штукатуркой — стоял посреди степи как забытый сарай. Два фонаря тускло освещали перрон, и снег, который намело за ночь, скрипел под ногами так отчётливо, что казалось — ступаешь по наждачной бумаге.

Петька спрыгнул с подножки вагона и сразу вдохнул. Воздух был сухим, колючим, с привкусом соли и далёкого дыма. Он ударил в лёгкие как нашатырь, и на глазах выступили слёзы.

— Адаптируйся, салага, — сказал Витька Дорохов, выпрыгивая следом и хлопая себя по плечам. — Тут кислорода меньше, чем в космосе. Проверено.

— Заткнись, Дорохов, — рыкнул Серёга, появляясь из тамбура. Он натянул шапку-ушанку на самые брови и сплюнул в снег. — Построение через пять минут. Всех, кто опоздает — в наряд на кухню на месяц. Это я обещаю.

Салаги, сбившись в кучу, зашевелились, застёгивая шинели на все пуговицы. Петька опустил взгляд на свои сапоги — новые, ещё не разношенные, кирзовые, пахнувшие гуталином и заводским маслом. Он пошевелил пальцами ног. Уже сейчас он чувствовал, как мороз пробирается сквозь портянки.

За углом вокзала стояли три бортовых Урала с натянуты-

ми брезентовыми верхами. Из кабины первого вылез старшина. Фигура — квадратная, как трансформаторная будка. Уши торчат из-под папахи, на плечах — погоны прапорщика с нашивками за выслугу. Он прошёлся вдоль строя, прищурившись, и каждый шаг его отзывался хрустом в позвоночниках салаг.

— Товарищи бойцы! — рявкнул он голосом, от которого хотелось сразу же вытянуться в струну. — Старшина роты Шевцов! Я здесь — вместо матери, вместо отца и вместо прокуратуры. Вопросы есть?

Тишина. Даже Серёга замер, прикусив губу.

— Нет вопросов? Молодцы. — Старшина Шевцов прошёлся ещё раз. Остановился напротив Петьки. Поглядел сверху вниз, как смотрит мясник на тушу. — Рост — сто семьдесят два. Вес — шестьдесят три. Физподготовка?

— Хорошая, товарищ старшина, — сказал Петька, глядя прямо перед собой. — Разряд по лыжам.

— По лыжам, значит. — Старшина хмыкнул. — Здесь не лыжи, здесь — плац. Плац тебя научит, что такое настоящая боль. В машины! По двое!

Уралы взревели. Петька залез в промёрзший кузов, сел на холодную скамью, прижавшись плечом к Витьке. Дорохов, в отличие от остальных, не трясся — он просто смотрел в щель между брезентовыми полотнищами и напевал что-то себе под нос. Петька прислушался.

— ...А в степи, в степи, буран поёт, а я служу, а я служу...

— Это что за песня? — спросил Петька.

— Моя, — улыбнулся Витька. — Вчера сочинил, пока ты спал. У нас же нет магнитофона, так что я — весь ансамбль «Пламя».

— А ну цыц, балаболы! — гаркнул Серёга из другого конца кузова. — Строевую тишину соблюдать!

Но Петька заметил: голос Серёги был не злым. Он был уставшим. Как у человека, который уже проиграл какой-то бой, но продолжает бить кулаками воздух.

Колонна шла по степи сорок минут. За это время Петька увидел зимнюю Калмыкию. Она была похожа на замёрзшее море — ровная, серая, без единого дерева, только кусты перекаати-поля, занесённые снегом. Изредка попадались небольшие холмы — остатки древних курганов. На одном из них торчала одинокая железная мачта с красным флажком.

— Это наш полигон, — сказал Витька. — Видишь вышку? Там будут тебя учить определять попадания. Если, конечно, не угоришь от старости.

— Откуда ты знаешь? — удивился Петька.

— В книжке читал, — фыркнул Витька. — Секретная литература. «Боевое применение радиотехнических войск». В библиотеке взял.

— Дорохов, ты — идиот, — сказал Серёга, но в голосе послышалась почти что... теплота. — Книжки в армии нафиг не нужны. Тут нужны кулаки и мозги, но не книжные. Усек?

— Так точно, — ответил Витька, но Петька поймал его

взгляд — насмешливый, умный, который говорил: «Ну-ну, доживём до дембеля».

Наконец Уралы затормозили. Брезент раздвинулся, и Петька увидел часть. Она выглядела как три двухэтажные казармы из красного кирпича, огороженные колючей проволокой. В центре — плац, залитый бетоном и посыпанный песком. Слева — клуб с колоннами, написанное на фронтоне: «Слава КПСС!». Справа — столовая, и оттуда пахло капустой и тушёнкой.

Из ворот, лязгая гусеницами, выползла боевая машина — ЗИЛ-157 с соляркой. Водитель, молодой солдат с грязными руками, высунулся и крикнул:

— Шевцов! Очередное пополнение?

— Пополнение, — буркнул старшина. — Вася, отгони машину, не мешай.

Казарма внутри казалась тёплой — топили углём. В коридоре стоял запах портянок, мази Вишневского и махорки. Света было мало — тусклые лампы под железными колпаками.

— Двухэтажные нары, — сказал Витька, когда их завели в кубрик. — Шконки. Бери верхнюю, она ближе к печке.

Петька скинул вещмешок на деревянные доски, обвязанные верёвками. Матрас был набит соломой и пропитан потом многих поколений солдат. Он потрогал его пальцем — жёсткий, колючий.

— Наслаждайся, — усмехнулся Серёга, заходя в кубрик с

полотенцем на плече. — Твоя койка теперь — святое место. Я буду на ней сидеть, когда захочу. Ты — вон туда, к окну.

Он указал на нижнюю нару возле самого окна, откуда дуло так, что даже снежинки проникали сквозь щели в рамах.

Петька взял свой вещмешок, переложил его на указанную шконку. Ничего не сказал. Только достал тонкий коврик из верблюжьей шерсти — бабушка сунула его на прощание — и постелил поверх матраса.

— Это что за нежность? — прищурился Серёга. — Барский ковёр, что ли?

— Бабушка дала, — спокойно ответил Петька. — Чтобы спина не мёрзла.

— Бабушка! — протянул Серёга с издевкой. — Бабушка у нас — святая? Молоко на губах не обсохло, а уже про бабушку рассказывает.

Он приблизился вплотную. Петька чувствовал его горячее дыхание, смешанное с запахом махорки и зубного порошка.

— Слушай сюда, Одуванчик, — сказал Серёга почти шёпотом, но так, что слышали все. — Ты здесь не в пионерском лагере. Здесь нет бабушек. Ты понял?

— Понял, — ответил Петька, и снова этот взгляд — прямой, без страха, без злобы. — Но коврик я оставляю.

Серёга замер. Кто-то из салаг прыснул. Серёга резко обернулся, но тот уже спрятался за спины.

— Ладно, — выдохнул Серёга и, развернувшись, пошёл к своей койке. — Ты, Одуванчик, или очень смелый, или очень

тупой. Выясним на завтрашней зарядке.

Вечером был развод. Петька впервые стоял в строю на плацу, когда ветер завывал так, что шапка съезжала на ухо. Майор Бережной — сухой старик с нашивками за ранения — произнёс речь о бдительности, о советском долге и о том, что полигон — это лицо армии.

Петька не слушал. Он смотрел на небо. Звёзды в степи были огромными, почти осязаемыми. Они падали, мерцали, и на миг ему показалось, что одна из них упала прямо в ладонь. Бабушка когда-то говорила: «Если звезда упала, значит, кому-то нужна твоя помощь».

— Отставить! — рявкнул старшина Шевцов. — Товарищи солдаты, после отбоя — личное время до 22:00. Всем спать!

В казарме Петька лежал на своей шконке у окна и смотрел на заиндевевшее стекло. Рядом, на верхней наре, вздыхал во сне Витька Дорохов и бормотал что-то про чертежи. А за стенкой, в соседнем кубрике, слышался тяжёлый, прерывистый храп — Серёга Кравцов не спал. Он ворочался, проклинал что-то сквозь зубы, и Петька слышал, как он повторяет одно и то же имя: «Иван... Иван... прости...»

Петька закрыл глаза. За окном начинался буран. Снег бил в стекло как дробь, и казарма казалась маленьким кораблём посреди бесконечного ледяного океана.

— Я здесь, — прошептал Петька в темноту. — Я не уйду. И ты не уходи, Серёга. Я же вижу, как тебе страшно.

Он заснул под завывание ветра, и впервые ему приснилась не бабушка, а он сам — взрослый, с погонами капитана, стоящий в степи, где соль хрустела на губах, и он знал, что всё будет хорошо.

Глава 3. Устав во весь рост

Декабрь 1975 года. 6:30 утра. Мороз -28°C . Ветер северо-восточный, порывистый, до 12 метров в секунду. Степь вокруг части — белая пелена, где небо сливается с землёй в одну молочную муть. Плац — прямоугольник застывшего бетона, посыпанный песком и золой, — лежит посреди казарменного городка как серый язык, высунутый на мороз. Слева — казарма «А» (два этажа, красный кирпич, обледенелые водостоки). Справа — столовая, из трубы которой валит густой дым, смешиваясь с паром из кухонных окон. Вдалеке, за колючей проволокой, видны контуры вышек радиолокационной станции — они торчат из степи как скелеты мамонтов. Тишина стоит такая, что слышно, как снег скрипит под собственным весом. Но тишина эта — обман. Через три минуты её разорвёт горн.

Горн взвыл в 6:32. Это был не мелодичный сигнал, а металлический рёв, который врвался в уши как ледяной штык. Петька подскочил на шконке раньше, чем открыл глаза. Сердце колотилось где-то в горле. За окном было темно — декабрьское утро в степи наступает поздно, а зима здесь не спрашивает разрешения.

— Подъём! — рявкнул дневальный, здоровенный парень из третьего взвода. — Всем в ватники! Зарядка на плацу!

Казарма загудела. Салаги зашуршали шинелями, залязга-

ли пряжками ремней. Кто-то уронил кружку, кто-то выругался сквозь зубы. Петька натянул ватные штаны, поверх — шинель, и, не застёгиваясь, выскочил в коридор. Витька Дорохов уже стоял у двери, затягивая пояс так туго, что лицо пошло красными пятнами.

— Ну, Пётр, — выдавил он, — готов к экзекуции?

— Готов, — кивнул Петька, и они выбежали на крыльцо.

Мороз ударил в лицо так, что кожа задубела за секунду. Дышать стало трудно — воздух казался стеклянным, ломким. Плац уже был расчищен — вчера вечером наряд по части старательно сгребал снег, но ветер за ночь намел свежего, и песок смешался с ледяной крошкой.

Старшина Шевцов стоял в центре плаца в одной гимнастёрке, без шапки, и курил махорку. Пар валил изо рта белым облаком.

— Кругом! — гаркнул он, и сорок человек, дрожащих на морозе, развернулись как один. — Зарядка номер один! Бегом, сукины дети! Двенадцать километров по степи, потом приседания, потом отжимания. Те, кто отстал — наряд вне очереди. Побежали!

Колонна рванула с места. Петька бежал первым в шеренге, чувствуя, как ватник тяжелеет от пота и холода одновременно. Снег под сапогами скрипел, ветер задувал в уши, и через пять минут лёгкие горели как от ожога. Рядом дышал Витька, хрипел и иногда выдавал что-то нечленораздельное, похожее на ругательства.

— Дорохов! — крикнул старшина, бежавший сзади на удивление легко. — Ты там стихи сочиняешь или бежишь?

— Бегу, товарищ старшина! — выдохнул Витька.

— Плохо бежишь! Голубев, подтянись!

Петька прибавил шаг. Он чувствовал, как ноги уходят в снег по щиколотку, но тело помнило лыжные тренировки под Мытищами. Там лес, там сосны, здесь — пустота. Но ритм одинаковый: вдох-выдох, шаг-отталкивание. Он вошёл в ритм, и бег перестал быть мукой.

На пятом километре часть кончилась. Степь расстилалась бескрайним полотном, где только ветер и снег. Вдалеке, в серой дымке, маячила вышка полигона — одинокая железная игла, уходящая в небо. Петька смотрел на неё и бежал. Она становилась ближе, потом дальше — колонна обогнула её по дуге.

— Привал! — крикнул старшина через сорок минут.

Салаги повалились в снег. Петька сел, запрокинул голову и выдохнул облако пара. Витька рухнул рядом и простонал:

— Я умер. Похороните меня на этой вышке. С видом на столовую.

— Вставай, — сказал Петька, протягивая руку. — Сейчас присесть будем.

— Ненавижу тебя, Голубев, — улыбнулся Витька, но руку принял.

После бега был плац. Старшина Шевцов построил их в две шеренги и начал отрабатывать строевой шаг. Это было хуже

бега. Гораздо хуже.

— Правое плечо вперёд! Носки врозь! — орал старшина, ходя между рядами и щипая салаг за локти. — Дорохов, ты не балерина, ты — солдат! Голубев, ты что, с параличом?

Петька старался. Он повторял движение сотни раз, но ноги не слушались. Правая нога — шаг вперёд, левая — при-
ставить. Но корпус уходил влево, плечи опускались, а голова — не туда, куда надо.

— Атлант! — раздался голос сбоку. Петька обернулся. Серега стоял у крыльца казармы, покуривая, и смотрел на него с ленивой усмешкой. — Атлант, небеса на плечах, а плечи не держат!

Витька фыркнул, но сразу же закашлялся, прикрывая рот рукавом.

— Кравцов! — рявкнул старшина. — В строй! Развлека-
ешься?

— Так точно, товарищ старшина, — ответил Серега, но без сарказма. Он бросил окурок в снег, затушил его сапогом и стал в строй, потеснив Петьку локтем. — Я ему помогу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.